

Алеша Попович и Тугарин Змеевич

Из далече-далече, из чиста поля
Тут едут удалы два молодца,
Едут конь-о-конь да седло-о-седло,
Узду-о-узду да тосмяную,
Да сами меж собой разговаривают:
«Куды нам ведь, братцы, уж как ехать будет?
Нам ехать – не ехать нам в Суздаль град?
Да в Суздале-граде питья много,
Да будет добрым молодцам испропитися, -
Пройдет про нас славушка недобрая.
Да ехать – не ехать в Чернигов-град?
В Чернигове граде девки хороши,
С хорошими девками спознаться будет,
Пройдёт про нас славушка недобрая.
Нам ехать – не ехать во Киев-град?
Да Киеву-городу на оборону,
Да нам, добрым молодцам, на выхвальбу».
Приезжают ко городу ко Киеву,
Ко тому же ко князю ко Владимиру,
Ко той же ко гриденке ко светлой.
Ставают молодцы да со добрых коней,
Да мецют коней своих невязаных,
Никому-то коней да неприказанных,
Никому-то до коней да, право, дела нет.
Да лязят во гриденку во светлую,
Да крест-от кладут-де по-писаному,
Поклон-от ведут да по-ученому,
Молитву творят да все Иусову.
Они бьют челом на вси четыре стороны,
А князю с княгиней на особинку:
«Ты здравствуй, Владимир стольнокиевской!
Ты здравствуй, княгина мать Апраксия!»
Говорит-то Владимир стольнокиевской:
«Вы здравствуй, удалы добры молодцы!
Вы какой же земли, какого города?
Какого отца да какой матушки?
Как вас молодцов да именём зовут?»
Говорит тут удалой доброй молодец:
«Меня зовую Олешей нынь Поповицём,
Попа бы Левонтья сын Ростовского,
Да другой-от Еким – Олешин паробок».
Говорит тут Владимир стольнокиевской:
«Давно про тя весточка прохаживала,

Случилось Олёшу в очи видети.
Да перво те место да подле меня,
Друго тебе место – супротив меня,
Третье тебе место – куды сам ты хошь».
Говорит-то Олёшенька Поповиць-от:
«Не седу я в место подле тебя,
Не седу я в место супротив тебя,
Да седу я в место куды сам хоцю,
Да седу на печьку на муравленку,
Под красно хорошо под трубно окно».
Немножно поры де миновалось
Да на пятау гриня отпиралась,
Да лазат-то чудо поганое,
Собака Тугарин был Змеевич-от.
Да Богу собака не молится,
Да князю с княгиней не кланятся,
Князьям и боярам он челом не бьет.
Вышина у собаки ведь уж трех сажон,
Ширина у собаки ведь двух охват,
Промеж ему глаза да калена стрела,
Промеж ему ушей да пядь бумажная.
Садился собака он за дубов стол,
По праву руку князя он Владимира,
По леву руку княгины он Апраксии.
Олёшка на запечье не утерпел:
«Ты ой есь, Владимир стольнокиевской!
Али ты с княгиной не в любе живешь?
Промежу вами чудо сидит поганое,
Собака Тугарин-от Змеевич-от».
Принесли-то на стол да как белу лебедь,
Вынимал-то собака свой булатен нож,
Поддел-то собака он белу лебедь,
Он кинул, собака, ей себе в гортань,
Со щеки-то на щеку перемётывают,
Лебязье костьё да вон выплюиват.
Олёша на запечье не утерпел:
«У моего у света у батюшка,
У попа у Левонтья Ростовского
Было старо собачишшо дворовое,
По подстолью собака волочилась,
Лебязею костью задавилась,
Собаке Тугарину не минуть того, -
Лежать ему во далече в чистом поле».
Принесли-то на стол да пирог столовой.
Вымал-то собака свой булатен нож,

Поддел-то пирог да на булатен нож,
Он кинул, собака, себе в гортань.
Олёша на запечье не утерпел:
«У моего у света у батюшка,
У попа у Левонтья Ростовского
Было старо коровишшо дворовое,
По двору-то корова волочилася,
Дробиной корова задавилася,
Собаке Тугарину не минуть того, -
Лежать ему во далечем чистом поле».
Говорит-то собака нынь Тугарин-от:
«Да што у ты на запечье за смерд сидит,
За смерд-от сидит да за засельщина?»
Говорит-то Владимир стольнокиевской:
«Не смерд-от сидит да не засельщина,
Сидит руськой могучей да богатырь
А по имени Олешенька Попович-от».
Вымал-то собака свой булатен нож,
Да кинул собака нож на запечье,
Да кинул в Олешеньку Поповиця.
У Олёши Екимушко подхватчив был,
Подхватил он ведь ножицёк за черешок;
У ножа были припои нынь серебряны,
По весу-то припои были двенадцать пуд.
Да сами они-де похваляются:
«Здесь у нас дело заезжее,
А хлебы у нас здесья завозныя,
На вине-то пропьём, хоть на калаче проедим».
Пошел-то собака из застолья вон,
Да сам говорил-де таковы речи:
«Ты будь-ко, Олёша, со мной на полё».
Говорит-то Олёша Поповиць-от:
«Да я с тобой, с собакой, хоть топере готов».
Говорит-то Екимушко да паробок:
«Ты ой есь, Олешенька названой брат!
Да сам ли пойдешь али меня пошлешь?»
Говорит-то Олёша нынь Поповиць-от:
«Да сам я пойду да не тебя пошлю».
Пошел Олёша пеш дорогою,
В руки взял шалыгу подорожную
Да этой шалыгой подпирается.
Он смотрел собаку во чистом поле –
Летает собака по поднебесью,
Да крыльё у коня ноньце бумажное,
Он в та поры Олёша сын Поповиць-от,

Он молится Спасу Вседержителю,
Чудной Мати Божьей Богородици:
«Уж ты ой еси, Спас да Вседержитель наш!
Чудная есть Мать да Богородица! Пошли,
Господь, с неба крупна дождя, Подмочи,
Господь, крыльё бумажное, Опустит,
Господь, Тугарина на сыру землю».
Олёшина мольба Богу доходна была,
Послал Господь с неба крупна дождя,
Подмочилось у Тугарина крыльё бумажное,
Опустил Господь собаку на сыру землю.
Да едет Тугарин по чисту полю,
Кричит он, зычит да во всю голову:
«Да хошь ли, Олёша, я конем стопчу?
Да хошь ли, Олёша, я копьем сколю?
Да хошь ли, Олёша, я живком сглону?»
На то де Олешенька ведь вёрток был –
Подвернулся под гриву лошадиную.
Да смотрит собака по чисту полю:
«Да где же Олёша нынь стоптан лежит?»
Да в та поры Олешенька Поповиць-от
Выскакивал из-под гривы лошадиной,
Он машет шалыгой подорожною
По Тугариновой де по буйной головы.
Покатилась голова да [с] плеч как пуговиця,
Свалилось трупье да на сыру землю.
Да в та поры Олёша сын Поповиць-от
Имает Тугаринова добра коня,
Левой-то рукой да он коня держит,
Правой-то рукой да он трупье секет.
Россек-то трупье да по мелку частью,
Розметал-то трупье да по чисту полю,
Поддел-то Тугаринову буйну голову,
Поддел-то Олёша на востро копье,
Повез-то ко князю ко Владимиру.
Привез-то ко гриденке ко светлой,
Да сам говорил де таковы речи:
«Ты ой есь, Владимир стольнокиевской!
Буде нет у ты нынь пивна котла, -
Да вот те Тугаринова буйна голова;
Буде нет у ты дак пивных больших чаш, -
Дак вот те Тугариновы ясны оци;
Буде нет у ты да больших блюдишшов, -
Дак вот те Тугариновы больши ушишша».

Источник: Печорские былины. Записал Н. [Е.] Ончуков. СПб., 1904. №85.